

Геннадий Веретельников

история служебной овчарки

12+

ШИКБАРС

Геннадий Веретельников

**Шикбарс. История
служебной овчарки**

«Автор»

2026

Веретельников Г. А.

Шикбарс. История служебной овчарки / Г. А. Веретельников —
«Автор», 2026

Только представьте себе, что рядом с вами с самого рождения находится сильный, умный и верный зверь. Друг, защитник и любящая душа в теле немецкой овчарки не предаст, и будет с вами везде: в беде и радости, на войне и отдыхе, во сне и наяву. О такой собаке этот приключенческий, военно-исторический роман, вместе с которой вы переживёте невероятное количество разных событий. Пройдёте всю войну: будете защищать государственную границу, разминировать важные объекты, находить и вытаскивать людей из-под завалов землетрясения. Весь спектр всех человеческих эмоций — гарантирую. Приятного чтения! Автор

© Веретельников Г. А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Из дневника студентки	6
Книга 1. Овчарка	7
Врачи, спасающие жизни — всегда герои!	8
Вступление	9
Разумов. Глава 1	11
Шикбарс. Глава 1	14
Разумов. Глава 2	16
Разумов. Глава 3	19
Шикбарс. Глава 2	21
Разумов. Глава 4	23
Разумов. Глава 5	25
Разумов. Глава 6	27
Шикбарс. Глава 3	29
Шикбарс. Глава 4	30
Разумов. Глава 7	32
Шикбарс. Глава 5	34
Разумов. Глава 8	35
Разумов. Глава 9	37
Шикбарс. Глава 6	40
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Шикбарс. История служебной овчарки

Глава

Читать, друзья мои, никогда не поздно.

Ну, а если поздно, то можно зажечь лампу!

Собаки рождаются, чтобы кусать, Но люди кусают больней, к сожалению. Собаки рождаются верными стать, А людям за верность нужны только деньги...

Когда-то давно, ещё при царе Иване Грозном, один из послов после возвращения на родину, описывая нравы Великого Княжества Московского, писал:

«Для московита нет страшнее оскорбления, чем всё, что связано с собакой — это и щенок, собака, сука, пёс и кобель.^[1]

Любое из этих слов они считают оскорблением, если их произносят в адрес человека.

Их ещё можно понять, если они не любят взрослых собак, но почему детёныша собаки считают омерзительным?

Я неоднократно слышал, как московиты во время ссоры называли оппонента сукиным сыном.

А ведь сын суки — это щенок.

Но в то же время, сравнительное выражение — верный, ассоциировалось у них только с собакой, и никакую иную скотину они верной не считают.

И именно верность — это качество, которое перевешивает на весах всё плохое, что люди, не думая, наговаривают на собак!».

В наше время отношение к собаке иное.

Начну с мнения тех, кто терпеть не может собак. Например, такие люди не хотят, чтобы моя овчарка плавала рядом с ними на пляже, потому что это мешает их отдыху... Но они абсолютно будут не против, чтобы я со своей служебной собакой приехал после землетрясения к разрушенному дому искать этих самых людей и членов их семей. Или приехал на поиск в лес, в котором они заблудились, собирая грибы. Или прилетел на вертолёте со своим верным псом искать этих людей на горнолыжном курорте после схода лавины, а ведь мы всех многократно предупреждали о такой опасности. А ещё мы с моей собакой достаём их из того же моря, из которого они нас недавно прогнали, потому что они наплевали на штормовое предупреждение и полезли купаться. И они очень даже радуются моей овчарке, которая доставляет им надувной жилет и канат.

И куда девается вся эта людская спесь после этого, даже не знаю.

Вернее, знаю, но писать об этом не хочу.

А есть другие люди, которые уверены, что собака — это друг, верный и преданный друг человека.

Изменения эти произошли после того, когда люди увидели, что, попадая в беду, возле них оставались только настоящие друзья, преданные не на словах, а на деле: некоторые люди и все собаки.

И те, и другие, если они настоящие, были в трудной ситуации до конца, иногда до самой смерти. Как говорил мой двоюродный брат:

«Давай будем не братьями, давай будем друзьями, ведь брат может предать, а друг — никогда!»

Я вам хочу рассказать историю одной собаки, настоящего преданного друга, которая прожила всю свою жизнь рядом с людьми и изо всех своих собачьих сил помогала им всем, чем могла. Спасала жизни людей, не щадя своей собственной...

Из дневника студентки

«Как-то будучи совсем ещё ребёнком, я оживила свою собаку с помощью искусственного дыхания, и это событие повлияло на всю мою жизнь — теперь я врач-реаниматолог.

Спасая жизни людей и понимаю, что это моё призвание.

На моё тридцатилетие мама решила признаться, что та наша собака просто набегалась, устала и крепко спала...».

Книга 1. Овчарка

– Ваша овчарка такая умная! Наверное, в школе для собак занимается? – Обижаете! Она там преподаёт!

Если бы студентка зооветеринарного института знала, кого она спасла тем вечером 13 августа 1939 года, то эту историю она бы рассказывала не только своим друзьям и знакомым, а и своим детям, и внукам, а те в свою очередь, рассказывали бы уже своим...

Но она не знала, до поры до времени, ни судьбы своего пушистого пациента, ни того, что благодаря ей и началась та невероятная история, которая в итоге представлена ниже моему читателю на его суд.

Она просто делала своё дело и сделала его хорошо.

Врачи, спасающие жизни — всегда герои!

Так получилось, что в одном из пограничных отрядов случились трудные роды у служебной собаки питомника. Немецкой овчарке по кличке Найда не получалось ощениться, она уже умирала от неизвестной родовой проблемы, которая вызвала высокую температуру, потому её хозяин помчался в ближайшую ветеринарную лечебницу за помощью. Главный ветеринарный врач, после того как выслушал пограничника, немедленно собрал инструменты и взял с собой помощника — студентку, которая проходила в тот момент практику в лечебнице. Передвигались они на лошадях, что, впрочем, было неудивительно для того времени и того лесного приграничного района. Время было позднее, потому ветви деревьев, которые были не видны в темноте, иногда больно хлестали по лицу, но скорость передвижения никто не сбавлял — их ждала умирающая беременная овчарка.

Наконец, прибыли на место.

После осмотра было принято решение провести «кесарево сечение»^[2] и врач немедленно начал оперировать. Операция проходила успешно, проблему выявили и решили — всему виной была перекрученная пуповина, но было уже понятно, что маму с потомством удаётся спасти. Щенков оказалось восемь. Семь были живы. А один, самый крупный, который должен был родиться первым и был сильно передавлен пуповиной, не подавал признаков жизни. Пока врач «зашивал» Найду, студентке доверили «запустить дыхание» щенку, который сам дышать уже не мог. Час отчаянных различных манипуляций, редкие вдохи щенка не принесли результата. Все присутствующие уже смирились с его потерей и только Лида, так звали студентку, не переставала верить в то, что у них с щенком всё получится, и да — он задышал!

Этот малыш родился в радости:

Радости Лиды, которая сегодня впервые спасла маленькую жизнь.

Радости врача, который был рад, что операция завершилась успешно, также он был горд тем, что его практикантка справилась со сложнейшей реанимацией новорожденного щенка, прям как по учебнику.

Радости хозяина Найды — сержанта Молашхия, весёлому грузину по имени Тенго из далёкого советского и грузинского города Поты, за то, что все остались живы и здоровы.

И радости самой Найды, которая всю жизнь была верна и предана людям, и вот теперь она увидела то, что её люди тоже не бросили в беде и спасли от смерти. Спасли жизнь ей и её щенкам.^[1]

Через время Лида напишет в своём девичьем дневнике о том, что в тот день она окончательно поняла, что правильно выбрала профессию, и что нет ничего приятнее чувства, когда спасаешь чью-то жизнь.

Напишет, что осознание того, что благодаря твоим знаниям, умениям и стараниям выжило маленькое беззащитное существо подобно чувству полёта.

А ещё чуть позже она напишет, что иногда посещала этого щенка в питомнике у пограничников. Выделялся он среди всех щенков крупным телосложением и чёрным родимым пятном на языке в виде овала. Бывало, лечила его вместе с другими щенками и собаками. Но, в отличие от всех остальных, у этого спасённого ею щенка была одна особенность, помимо того, что у него был абсолютно человеческий взгляд его карих глаз — перед тем, как поставить ему укол или сделать иную болезненную процедуру, он аккуратно брал большой палец хозяина зубами (а хозяин, в таких случаях, всегда должен находиться рядом с питомцем), ложился, зажимал глаза, вздыхал и прикрывал левой лапой себе глаза и нос.

Весь его вид вызывал и вызывает до сих пор слёзы умиления тем, как и с каким видом он доверял нам всего себя и терпел, как бы больно мы ему не делали...

Вступление

Много лет назад наша страна победила в самой кровопролитной войне в истории человечества.

И так получилось, что мой главный четвероногий герой этого романа родился за несколько лет до начала этой страшной войны. Возраст два года для служебной собаки — это конец детства и начало взрослой собачьей жизни, это становление характера и проявление самых скрытых инстинктов присущих своей породе. Это полное понимание для самого себя — для чего ты родился на этот свет. Собаки, впрочем как и люди, не выбирают ни места рождения, ни пола, ни родителей и лишь иногда выбирают хозяина...^[3]

Собаки, как и люди, выбирают только, как жить на этой планете — в любви или в ненависти.

Люди выбирают все по-разному, у собак же первоначально только путь любви, любви к своему хозяину. Если собака рождена беспризорной, то она всю жизнь ищет своего хозяина, и чаще всего находит. Если собака рождена породистой, то хозяин у неё, как правило, от рождения. Но если же собака становится неуправляемой, жестокой ко всему миру, то это лишь от того, что так захотел её хозяин, действием или бездействием, сознательно либо же по глупости, изменив её любовь на ненависть.

Взять себе собаку и не заниматься её воспитанием сродни тому, что завести ребёнка, но ничему его не учить, просто кормить, иногда выводить в туалет и всё. Какой мы получим результат? Правильно, плачевный. А такие хозяева ещё и ожидают от такого «воспитания» иных результатов, думая, что ребёнок или собака без всяких усилий со стороны родителей по воспитанию и обучению будет всё понимать и всему должен научиться сам.

Соответственно, все случаи неадекватного поведения собак в современном мире из того, что мы видим, из-за людей, которые заводят собак и не занимаются их воспитанием либо выбрасывают своих питомцев на улицу. А там уже собаки или погибают, или сбиваются в стаи...^[4]

Немецкая овчарка — герой моего романа, служила на границе.

Перед войной, несмотря на вызывающие действия германской армии на Государственной границе, предпринималось всё возможное, чтобы исключить любые международные инциденты.

Телеграмма 19/5633:

Начальник погранвойск Г. Соколов, со ссылкой на приказ Наркома^[5] (сейчас это министр МВД) Внутренних Дел, в котором Народный Комиссар запрещал открывать огонь по германским самолетам, вторгающимся в наше воздушное пространство.

Обязал довести этот запрет до всего личного состава.

Официальная сводка:

С мая 1940 год по май 1941 года на Государственной границе при нелегальном переходе было задержано 38245 лазутчиков, шпионов и диверсантов.

Было уничтожено около двухсот хорошо вооруженных банд.

За первую половину 1940 г. на участке Западного (позже — Украинского) пограничного округа было зафиксировано 1126 случаев безнаказанных прорывов через границу.

По Белорусскому погран.округу таких случаев было 526 с 844 прорвавшимися нарушителями, по Молдавскому — 87 с 167 лазутчиками.

Граница, при всех усилиях, не была оборудована надлежащим образом, а пограничникам не хватало знания местности.

Без артиллерии, без танков, без противотанковых средств, без авиации пограничники не были способны защищать границу от прорыва крупным военным подразделением. Они могли всего лишь пресекать отдельные эпизоды, ловить нарушителей–одиночек или пресекать проход небольшой группы. Но если удар был нанесен одновременно по всей границе, а это более двух тысяч километров, как это случилось 22 июня 1941 года и силами четырёх с половиной миллионов вражеских солдат, то в этом случае пограничники были бессильны.

Из истории Великой Отечественной войны:

«Застава под началом лейтенанта А.В. Лопатина оборонялась умело, удерживая вверенный ей рубеж с 22 июня до 3 июля 1941 года.

Не минуты и часы, как ей предписывалось, а более десяти суток, без связи (проводная была сразу нарушена, а радиостанции заставам не полагались). В декабре 1957 года, когда прояснились обстоятельства давних боев, лейтенанту Алексею Лопатину было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза».

До Дня Победы остались в живых только 1% солдат и офицеров из всего состава пограничников (то есть, каждый сотый), проходивших службу на западной границе в 1941 году.

Разумов. Глава 1

Ожидание смерти, всегда хуже самой смерти

Мы, русские — нация воинов, которые раз за разом повергают врага, доходя до его логова, а потом прощают. Если бы мы были убийцами, то просто уничтожали бы всех, кто посмел идти к нам войной без всякого зазрения совести. Такова наша сущность: не бить лежащего, не добивать поверженного, и ничего с этим не поделать... Будем жить дальше.

Моя фамилия Разумов. Старшина Разумов.

Дело было так. Отступление уже шло которую неделю. Нам пока везло. Преследования не было уже несколько дней. Благо лес на нашем пути был довольно густой. И собаки наши не зря свой хлеб ели. Натренированы были по-военному — противника за километра полтора чувствовать начинали, мы всегда успевали изменить направление и уйти. Раненых было много, лекарств не хватало, поэтому четыре тяжелых померли наемники, похоронили их у ручья. На карте место обозначил. Вернемся сюда после победы — отдадим все воинские почести...

Война началась не то, чтобы неожиданно, скорее это было логическим завершением того, что творилось на границе последний месяц на довольно большом участке, который был под охраной нашего пограничного отряда, точнее той заставы, где я служил.

Провокация за провокацией. То воду отравят в колодце, то обстреляют из стрелкового оружия, то просто стреляют по ночам в сторону отряда. Смертей от таких действий не было, но раненые были. Приходилось раз за разом поднимать заставу в ружье.

Нам, можно сказать, повезло. Я тесно сотрудничал с обходчиками лесов с той стороны границы — лесничими. Они часто обращались за помощью по разным причинам именно ко мне, так как я был старожилем нашего воинского подразделения. После училища я служил на китайской границе, на реке Амур, потом перевели сюда. Здесь начинал службу на самой дальней северной заставе,^[6] ну и узнал местность за эти годы на сотню километров вокруг очень хорошо, можно сказать, как свои пять пальцев. В жизни случалось разное: то они в беду попадали, то мы. Они помогали, чем могли, да и я им в помощи никогда не отказывал.

Иногда, чаще всего это было на католическое Рождество, когда лёд на реке, которая разделяла две наши страны, становился крепким и по нему можно было ходить, мы встречались на ничейном, нейтральном значит, островке. Жгли костер. Пили горячий чай или ещё чего покрепче. Языки наши, как ни крути, были похожи. Да и желание общаться побеждало любой барьер. Рассказывали разные истории, шутили. Говорили о том, как кто празднует зимние праздники. Как детей веселим.^[7]

Помню, как угощали друг друга принесенными из дома закусками и весело смеялись с шутки Иоганна, который безапелляционно заявил, что все мужчины делятся на два типа: — На тех, кто не любит студень!^[8] — И на тех, чья жена умеет его нормально готовить!

У нас было много общего, например, страсть к охоте, которая позволяла узнавать местность. Ведь охота — это выслеживать зверя пешком, знать все природные закоулки, ну там балки, овраги, болота, ручьи всякие. Также у нас с ним был общий интерес к воспитанию немецких овчарок. Мы оба сошлись на мнении, что немецкая овчарка — самая умная среди всех пород собак. Мою звали Шикбарс.

Когда Иоганн спросил, что эта кличка означает, я ему рассказал историю о том, что у нас в отряде служит грузин по имени Тенго, который спас свою собаку при сложных родах, а практикантка — ассистентка главного ветеринарного врача, спасла моего Шикбарса тем, что делала ему искусственное дыхание целый час без остановки! В итоге спасла, а Тенго нарёк этого щенка «счастливчиком, который не должен был родиться, ну а уж если родился, то будет приносить

миру счастье», а на их сложном, горном и редком наречии это звучало как «Шишико́», с ударением на «О».

Ну и в итоге мне достался именно он из всего того спасённого выводка, а я уже добавил к его немного смешному имени — грозное окончание «Барс», что означало на казахском языке Тигр. Получилось Шикбарс. И необычно, и грозно! Тигр — счастливчик! Почему на казахском? Потому что я родился в Казахстане и вырос на реке Иртыш. И как я не пытался объяснить, кто такие грузины и казахи Иоганну, и почему они говорят и на русском, и на казахском, и что они все вместе делают в одной армии (РККА — Рабоче-Крестьянская Красная Армия), у меня ничего не вышло толком. Мы все так и остались для него русскими,^[9] иногда советскими.

У самого Иоганна дома когда-то жила рысь.^[10] Он нашёл маленького котёнка рыси в лесу несколько лет назад, оставлять его на голодную смерть не стал, ну и забрал домой. Рысёнок рос у него в полной свободе, когда хотел ходил в лес, когда хотел возвращался. Часто сопровождал Иоганна в лесу, когда тот обходил свои владения, как главный лесничий, но сопровождал только поверху, пониже не ходил, всё-таки рысь больше любит по деревьям скакать, чем по полям бегать. Я его видел несколько раз. Жил он рядом с домом, в большом дупле. Но всегда и надёжно охранял хозяйство своего спасителя от лисиц и волков. Как-то летом он «загулял» и не появлялся несколько недель, а когда появился, то был не один! Он привёл на «смотрины» свою подружку – рысиху, которая сидела на ветке возле дупла и немного нервничала. А через время у них появились малыши, но Иоганн к ним не ходил — любовался издали. С того момента его Лукси, так он его называл, стал совсем редким гостем в их доме.

Рыси, говорят, заводят нескольких самок, у всех появляются котята, и он должен всех прокормить. Тут уже не до гостей во взрослой жизни в лесу.

И вот однажды Иоганн, так звали главного лесничего, специально нарушил границу, чтобы его задержали и привели ко мне, как нарушителя.

Он был возбужденный, махал руками и говорил на всех языках сразу, потому его никто не понимал, а когда успокоился, то рассказал мне о том, что жена его начала рожать раньше времени, а больница с акушером от них за сорок километров. Дороги занесло недавней метелью со снегопадом по пояс. Тут он начал плакать и говорить, что не доедет она вовремя, плюс уже родовая горячка^[11] началась!

Та неделя на самом деле очень снежная была, снег валил без остановки такой, что тропинки на заставе надо было чистить каждые полчаса. Сугробы в лесу были с человеческий рост уже. Дороги заметены наглухо. Ни пройти, ни проехать. Иоганн знал, что в нашем отрядном медсанбате работал опытный санитар, который ещё до революции роды принимал, потому и нарушил границу. В общем спасли мы его бабу, ну а меня спасли с трудом. Дошла эта информация до особиста^[12] нашего. Вызвали меня в штаб округа. Я уже думал, что не вернусь. Вывернули мне всю душу наизнанку, допытываясь, уж не предатель ли я, не враг ли трудового народа. Но когда он, особист, меня наконец услышал, то сказал, что я молодец! Я был удивлен. На мое удивление он мне порекомендовал продолжать дальше развивать отношения с Иоганном и сделать его своим тайным агентом. Потому как совсем туго у нас с информацией с той стороны нашей границы.

А времена нынче беспокойные, капиталисты — враги рабочего класса, не дремлют! И главный лесничий «оттуда» в нашем случае — это находка.

Моё возвращение в отряд восприняли, как праздник! Меня уж никто и не ждал!

С Иоганном я же поговорил на эту тему уже через несколько дней. На что он ответил так, если это залог нашей дружбы, а такое, что я сделал, он не забудет никогда, то он обязательно расскажет мне что-то стоящее, но только с условием, это должно касаться именно моей безопасности. На том и порешили.

А родился у него мальчик.

Здоровенький, крепенький, назвали Иоанном, Иваном значит, по-нашему.

Шикбарс. Глава 1

Я не смогу любить тебя, хозяин, всю твою жизнь, но смогу любить тебя всю свою...

Моё самое раннее воспоминание из детства — это расставание с мамой. Она выглядела немного уставшей, но всегда любила с нами играть, несмотря на свой длинный шрам через весь животик. Ведь нас, её детей, моих братиков и сестричек, у неё было несколько. И все шалуны ещё те! Мама, мамочка, как же с тобой было тепло, уютно, сыто, интересно и абсолютно спокойно. Играй и спи сколько хочешь! Любое приближение опасности в виде других собак или ещё чего-то для меня тогда непонятного, сопровождалось её рычанием, иногда переходящим в грозный лай, который предупреждал незнакомца, что ещё один шаг в нашу сторону и мамочка применит свои острые клыки по назначению.

И я думал, что такое блаженство будет продолжаться бесконечно!

Но в одно солнечное утро пришли какие-то люди с кожаными сумками-планшетами на боку и бумагами, поговорили между собой, сняли табличку с именем «Найда» со входа, одного из них мамочка пускала к нам в вольер, вот именно он и увёл мою маму. Больше я её не видел. Потом они приходили ещё. Всегда парой, но всегда один старый и один новый. К старому я уже привык, мой острый нюх и не менее острый слух позволял мне определить кто подходит за несколько десятков шагов. Потом они всегда забирали из нашей шаловливой и весёлой кучи по одному моих братиков и сестричек. До тех пор, пока я не остался один. Одному в вольере было зябко и неудобно. Я никак не мог найти себе место и ползал везде, где только можно в поисках заветного уголка. Потом захотел кушать, начал скулить и звать маму, но вместо неё опять пришло два человека, один старый, которого я постоянно видел раньше, а второго я никогда не видел. Он был очень большим человеком. Они поговорили между собой, потом новый человек взял меня на руки и поднял высоко-высоко. Человек был теплый, вернее не он, а его руки, которые пахли чем-то резким, но в тоже время вкусным. Он внимательно осмотрел меня со всех сторон, мне даже понравилось, как он меня крутил туда-сюда, сказал мне: «Привет, Счастливчик!», ^[13]зачем-то потрогал нос, запихнул к себе за пазуху, и мы с ним куда-то пошли. В моей голове смешались сотни разных запахов, они все были такие новые и жутко любопытные. Мне стало так интересно и уютно, что даже прошёл страх перед неизвестностью. Но ещё я не сразу, но понял, что мамой и братиками с сестричками больше не пахнет. Нигде. Я не первый раз убегал от мамочки в разные стороны, изучая мир, который был вокруг нашего дома, где мы жили, но меня всегда на место возвращал или её зовущий лай, или путешествие в маминых зубах за загривок. Пока мы шли с любопытным человеком, я успел высунуть голову, грозно гавкнуть, не сильно укусить его за палец своими острыми зубами и увидеть с высоты роста человека место, куда мы пришли. Там было несколько деревянных домиков, вольер со множеством собак, которые вели себя очень скромно — никто не гавкал и все были чем-то заняты. Я же очень любил лаять на все, что меня веселило. На бабочек, на траву, которую шевелил ветер, на пролетающих в высоте птиц и даже на свою тень! Почему-то взрослые овчарки смотрели на мои гавкающие проделки с осуждением. И тут я понял, что меня опять взяли на руки и опустили прямо перед миской с тёплым молоком! Как же я проголодался за время нашего путешествия, потому это молоко, пусть и не похоже на мамино, мне показалось очень вкусным!

Мой Хозяин, а я уже не сомневался, что он Хозяин, был главным в нашей стае, ведь иначе моя мамы бы не отдала меня ему без боя, гладил меня и произносил новое для меня слово «Шишико́», «Шикбарс» или «Шик», оказалось, что это и есть моё имя! Мне так нравилось, когда он его произносил, я был готов бежать за ним на край земли, и да, каждый раз, когда я к нему подбегал, отзываясь на имя, он меня гладил, говорил добрым голосом «хорошо» и давал мне маленький и вкусный кусочек сырого мяса. Чуть позже я уже знал, что люди такое

мясо называют говядиной.^[14] Но я терпеть не мог, когда моё имя произносил кто-то другой! Я сразу начинал рычать, а при повторном упоминании — громко лаять! Хозяин при таких моих действиях тоже гладил меня по голове, и я понимал, что всё что я делаю — делаю правильно. Следом за кличкой я узнал свою первую команду, которая сближала нас с хозяином — это команда «ко мне». Я всегда хотел с ним рядом и ходить, и бегать, и прыгать, но мне не разрешали, а вот когда я слышал эту команду: «Шикбарс или Шик, ко мне!»^[15], то это означало лишь одно, что можно срываться с места и сломя голову бежать к хозяину!

А когда за это тебя ещё и гладили, говорили ласковым голосом разные, пока не очень понятные мне слова, да и давали кусочек мяса, то моему счастью не было предела!^[16] Считаю, что самое главное — это понимать интонацию того, как произносит слова Хозяин. И пусть я пока не понимаю значение слов, которые он мне говорит, но то, как он их говорит: громко, строго или мягко, сразу мне даёт понять узнал он о том, что я сделал небольшой подкоп под стеной вольера или нет...

Уже через два дня я начал узнавать его по походке. Через неделю я мог различить его запах среди сотни других, которые приносил мне ветерок, например из места, которое Хозяин называл «Столовая». Как только он выходил оттуда, неся в руках котелок с едой для меня, ветер приносил подробные запахи, и я знал, кто идёт и что несёт. Начинал тихонько скулить, за что Хозяин меня ругал, приговаривая, что служебный пёс должен слушаться команды, и когда он говорит: «Тихо», то в вольере должно быть тихо так, чтобы было слышно, как жужжат мухи у соседей.

Я правда тогда не понимал, кто такие мухи и соседи, но мне было понятно, что надо было делать, но мне так искренне хотелось выразить свою неподдельную радость, что я опять скулил, а меня опять ругали...

А как я хотел играть с другими собаками! Всё рвался к ним и рвался, ведь это были красивые и сильные мои родичи. Я это чувствовал, но Хозяин мне почему-то запрещал. Я его слушался, конечно. Но я так хотел, что один раз, когда он отвернулся мне удалось подбежать ко взрослому псу, который при нашей встрече так на меня грозно зарычал, что мне пришлось лечь на спину и заскулить. В ту же секунду я понял, что Хозяина таки надо слушаться. Вероятно, он гораздо лучше меня знал последствия того, от чего он так меня оберегает...

Разумов. Глава 2

Если вы не нравитесь моей собаке, то есть большая вероятность, что и она вам не понравится!

Этой зимой произошёл ещё один любопытный случай. Мы с Шикбарсом были на обходе, когда я почувствовал, что мой пёс неожиданно и без всякой видимой причины сначала встал в стойку, напрягся, а потом тихо зарычал. Я резко остановился, осмотрелся, но не заметил ничего такого, что могло повлиять на поведение моей собаки. На всякий случай решил залечь и попробовать выяснить, что так взбудоражило моего верного друга.

Шикбарс по-прежнему глухо рычал без остановки, шерсть на загривке его стояла дыбом, даже на хвосте, как при виде серьёзной опасности. На нарушителя у него была другая реакция, он просто ложился на место, где прошёл человек, а когда я подходил вставал и обнюхивал то место, где оставались следы, поворачиваясь всем телом в том направлении, куда направился нарушитель.

Но в этот раз было всё иначе. Через время Шикбарс замолчал, потом ещё раз огляделся по сторонам, принялся и, получив от меня одобрение, пополз вперед, забирая по дуге немного вправо.

Я пополз вместе с ним стараясь не шуметь, хотя на трескучем морозе в тихом лесу это было очень сложно. Мы пробирались медленно, но уверенно, и вот я заметил провал в земле. Перед нами была глубокая яма, прикрытая сверху как попало поваленными деревьями, а в яме, почти не заметная на фоне снега, лежала на боку молодая волчица. Судя по исхудалому виду и множеству следов от когтей на стенах ямы, которые она оставила в попытке выбраться, находилась уже давно. Одно из деревьев было переломано пополам, видимо, по этому трухлявому стволу она гналась за кем-то и дерево не выдержало, вот волчица и упала.

Вокруг ямы всё было истоптано следами волков, но самих их не было видно. На всякий случай снял винтовку с плеча, огляделся ещё раз и приготовился к отражению возможной атаки серых хищников. Когда понял, что следы несвежие и им уже больше суток, да и Шикбарс никак не реагировал на присутствие зверей, то встал в полный рост, чтобы изучить обстановку вокруг ямы получше.

Потом обошёл яму и глянул на неё со всех сторон. Осмотревшись, мне стало понятно, что самостоятельно выбраться волчица не сможет, и если мы ей каким-то образом не поможем, то так и погибнет здесь от голода и холода. Судя по тому, что волчица никак не отреагировала на наше появление и не изменила свою позу после того, как я подошёл к краю ямы, мне стало ясно — она сильно ослабла. Ни рычать, ни ходить уже толком не могла, только смотреть. А вот смотрела волчица на нас с Шикбарсом совсем без страха. Видать, уже умирала — тихо лежала на боку, провела меня взглядом и закрыла глаза. Когда снег из-под моих валенок посыпался вниз, то всё, что она сделала — это подняла голову и тихонько завывала.^[17] А морозец-то приличный уже был который день. Шикбарс сначала шарахнулся от её воя, потом почему-то заскулил и начал носом лезть в мой вещмешок, который висел за моей спиной. Я сначала не понял, а потом как сообразил — сух.паёк!^[18] Надо же, смышленная какая у меня собака, никак привыкнуть к его интеллекту не могу! Достал всё, что было в нём съестного и разложил на снегу. Запас для существа с волчьим, в прямом смысле слова, аппетитом был не очень, но всё же лучше, чем ничего: консервы, галеты, сухая колбаса.

Открыл тушенку, шпроты, сложил обратно в мешок, и в открытом виде спустил его на веревке прямо к морде волчицы. Всё это время Шикбарс мельтешил у меня под ногами, всё норовя свалиться прямо в яму к волчице, а потом случилось вообще нечто невообразимое — Шишико посмотрел на меня как-то странно, потом взял и спрыгнул прямо в яму! Я в недо-

умении посмотрел вниз и увидел, что моя овчарка подошла к волчице и легла рядом с ней, потом подвинулась ближе, потом ещё ближе и в итоге он обнял её всю, положив свою голову сверху её шеи. Волчица не шевелилась, или не было сил, или она понимала, что таким образом Шикбарс спасает ей жизнь. К еде она так и не притронулась. Я понял, что до утра он будет её греть и мне можно идти на заставу.

По дороге я думал лишь об одном, как объяснить отсутствие собаки моим пограничникам.

Собаки инстинктивно боятся хищного дикого зверя, например, такого, как волк, но мой Шишико был особый. С детства у него вместо подстилки была волчья шкура, а в молоко, когда он был маленький, я подмешивал волчью кровь. Так меня когда-то научили охотники в тайге. Они таким образом выращивали себе верных и бесстрашных собак, ну и, судя по всему, у меня такой фокус тоже получился!^[19]

На следующее утро я помчался к яме по своим же следам. Очень надеялся, что моего Шикбарса не сожрали, потому как у людей существует на эту тему не очень хорошая поговорка: «Ни одно доброе дело безнаказанным не остаётся!». Подбежав к яме, увидел такую картину — Шишико лежал в позе Царя зверей — льва, как на картинке из школьного учебника, а волчица сначала неуверенно, а потом все активней принялась за еду. Съела она в итоге всё и почти мгновенно. Пора было вытаскивать Шикбарса. На этот счёт у нас был отработанный приём для преодоления глубоких оврагов — я спустил ему верёвку с несколькими большими, грубо завязанными узлами, давал команду жестом (показывал ему ладонь и сжимал её в кулак), он цеплялся за них зубами, и я его вытягивал. Так произошло и на этот раз. Перед нашим уходом я снял с себя овчинный тулуп, бросил волчице, и мы уже налегке с моей овчаркой помчались на заставу. В общем, приобрели мы с Шикбарсом себе приятную головную боль. Ближайшие три дня мы носили ей два раза в день самую разнообразную еду. Также не забыли принести и ветоши разной, тряпок значит. Чтобы не околела, пока не придумаем, как её выволить из плена без вреда, как для неё, так и для нас, ведь за верёвку она не зацепится, как Шикбарс. Остатков со столовой было достаточно. Было из чего выбрать. Картина доставки гуманитарной помощи была — обхохочешься! Шикбарс впереди, в зубах громаднейшая, тяжеленная и неудобная кость, потому нес он её, задрав голову кверху. Когда цеплялся костью за кусты и деревья, то так смешно боролся с препятствиями. И всегда нёс свою ношу без остановки, до самой ямы. Я же, как грузовая лошадь, всё, что влезло в руки и карманы — несу еду, еле сам иду. И вот на четвёртый день мы увидели, что волчица, прозвали её Лулуха (она иногда выла, и её вой был похож на звук «луууу-луууу»), полна сил и снова пытается выпрыгнуть из ямы, но каждый раз соскальзывает и обрывается вниз, нанося себе небольшие травмы. Не откладывая дело в долгий ящик, я на месте, с помощью топора, верёвки и гвоздей, сколотил из тонкого валежника и веток некое подобие лестницы, которую и опустил очень осторожно в яму. На всякий случай зарядил свою винтовку-мосинку. Мы с собакой легли недалеко за поваленным деревом и стали ждать. Через некоторое время верхние концы самодельной лестницы зашевелились и показался сначала нос, потом уши, и только потом голова Лулухи. Она вылезла. Отряхнулась. Огляделась по сторонам. Чихнула. Увидела нас, глаза её сверкнули, она попятилась назад, потом принялась (в этот момент Шикбарс начал издавать знаменитое овчарочье поскуливание) и... сделала шаг в нашем направлении. Что начало происходить в её глазах! Взгляд, вернее его выражение, менялось каждую секунду. Я охотник со стажем и видел глаза разных животных в самых разных случаях, но этот взгляд стоит перед глазами у меня и сейчас,^[20] а на ум приходит сразу стихотворение «Листопад» нашего русского поэта Ивана Бунина:

*Пусть бор бушует под дождем,
Пусть мрачны и ненастны ночи,
И на поляне волчьи очи*

Зеленым светятся огнем!

Широко открытые, немного слезящиеся и одновременно искрящиеся от полученной свободы. Глубина прозрачности зелёных глаз в ярком белоснежном, покрытым инеем лесу, была просто бездонной. Я был поражен. Даже опустил свою винтовку.

Как оказалось, поражен был не один я. Мой красавчик Шикбарс встал и сделал тоже шаг на встречу волчице. Молча. Скулить к этому моменту прекратил. Шажок был маленький, почти незаметный, только еле слышно скрипнул снег под его тяжелыми лапами. Так они простояли несколько минут. Картину с них можно было писать. Они не шевелились, и то, что это живые существа выдавало только дыхание, которое паром выходило у них из пасти.

Но, что было потом! Наша волчица сделала три шага к нам и игриво подставив бок отскочила на то место, откуда она вылезла, возле лестницы из палок. Шикбарс принял вызов. Он присел на все четыре лапы, как будто выполнял команду «лежать» и замер в этой позе. Волчица ещё раз проделала те же движения, призывая Шикбарса в игру. Потом ещё. И только после третьего приглашения Шикбарс вскочил, игриво заскулил и сделал такой же финт телом, как и волчица. Игра началась. Бег, прыжки, догонялки, перевороты, зарывание в снег, и всё это в миллиметрах от края ямы, лёгкие покусывания и даже рычание, если кто-то из этой пары при их пируэтах или столкновениях, случайно делал немного больно другому. Наблюдая за ними, я потерял счёт времени, даже не знаю, сколько эта игра продолжалась, может минут десять, может пятнадцать.

В этих игровых грациозных движениях было всё: и благодарность за жизнь, и ласка, и нежность.

Я смотрел и наслаждался тем, что вижу, мне казалось, этому выражению чувств не будет конца, но неожиданно со стороны заставы послышался выстрел и я увидел, как над лесом взмыла сигнальная ракета, потом ещё одна, это комбинация означала только одно — застава в ружьё, боевая тревога. Лулуха, а теперь мы её в разговорах с Шикбарсом называли только так, шарахнулась от звука выстрела ракетницы, потом присела на все четыре лапы и уже через секунду скрылась в лесу, не задев на своём пути ни единой веточки. Шикбарс проводил её взглядом, но выполняя мою команду «рядом» развернулся и в три прыжка уже был возле моей левой ноги. Волчица побежала к себе домой, мы же с моей овчаркой бежали, что есть мочи на свою заставу! Долг у служивых людей и служебных собак превыше всего! Пока бежал, вспомнил про свой тулуп в волчьей яме, заберу позже, бог даст!

Вот такие у нас были зимние приключения. Потом, весной, когда слышался волчий вой в лесу, мой Шикбарс начинал приветливо махать хвостом и выть в ответ, чем вызывал большой переполох у солдат и сержантов — вожатых собак и у самих служебных собак на прилегающей территории. Чудеса. Бывает же такое! Позже я обратил внимание, что по ночам Шикбарс, иногда, куда-то исчезал ненадолго, но всегда быстро возвращался, поэтому я не придавал этому событию никакого значения.

Воистину, самая большая привилегия, которая дана нам свыше — не пройти мимо и стать причиной добрых перемен в чьей-то жизни. И не важно кто ты: человек, собака или волк.

Разумов. Глава 3

Иногда давать человеку ещё один шанс — это как дать выстрелить второй раз тому, кто не смог в вас попасть с первого раза

19 июня 1941 года, ночью, Иоганн срочно меня вызвал на наше условное место. Выглядел он крайне взволнованным. В руках он держал пачку бумаг, которые сразу отдал мне.

Шёпотом, а раньше мы никогда не разговаривали шёпотом, он сообщил мне, что в лесу, как раз напротив нашего отряда, расположились две немецкие дивизии и должны подойти ещё. Перебросили их ночью, скрытно и только что его троюродный брат, а он служит в артиллерийском полку в одной из этих дивизий и имеет звание обер-лейтенанта,^[21] рассказал Иоганну, что в воскресенье, 22 июня, рано утром начнется полномасштабное вторжение в СССР, то есть война.

На плане карты, которую он срисовал, как мог у своего дальнего родственника, ясно видно, что первыми фашисты уничтожат нас. Будет массированный артиллерийский и авиационный удары по всем заставам, и по их планам уже к обеду 22 июня, они должны были захватить мост, аэродром, райцентр и двигаться дальше в глубину страны.

Мы обнялись и без лишних слов разошлись. Через час, практически загнав коня, я уже был в кабинете особиста. Как ни странно, он не спал и не удивился моему внезапному появлению. Внимательно меня выслушал. Забрал бумаги. Сообщил, что доложит куда надо. Приказал мне не паниковать и ждать от него дальнейших инструкций. Вернулся в расположение пограничного отряда я уже под утро. Шикбарс встречал меня у границы отряда. Пели птицы. Солнце захватывало власть над этой стороной планеты. Ветер гнал по небу красивые кучерявые облака. Но гнетущее ощущение неминуемой большой беды, которая коснётся всех и каждого, не проходило.

Решил доложить о случившемся командиру, потому как в этот день на вечер был запланирован показ новой кинокартины «Тимур и его команда» Аркадия Гайдара.^[22]

Мы пили травяной чай из брусники и думали, как противостоять в сложившейся ситуации врагу. Две дивизии — это не шутка. Тысяч двадцать, а то и больше вооружённых до зубов солдат. Одна из них — дивизия СС.^[23]

Мы против них — соломинка, переедут и не заметят. Но тот, кто предупреждён — вооружён. Старая житейская мудрость. Без боя сдаваться никто не собирался, да и дорого продать свою жизнь — это всегда пожалуйста, вот это мы можем.

Решили на свой страх и риск дополнительно заминировать все дороги и тропинки, которые вели от границы в сторону райцентра и нашего погранотряда, во все временные укрепления (ДОТы, ДЗОТы^[24]) доставить тройной боекомплект, пополнить запас воды и солдатского сух.пайка.^[25] Карту минных полей размножить и раздать всем нарядам, чтобы не нарвались случайно на наши же мины.

Поняли, что командование в штабе что-то знало о грядущих событиях, потому как вчера пришла директива во все наши приграничные комендатуры с приказом отвести скрытно личный состав и технику из расположения застав в ближайшее укрытие или лес и тщательно замаскировать. Всё запланированное сделали.

И вот настала ночь с 21 на 22 июня 1941 года, которая должна была прояснить информацию, которой нас снабдил брат Иоганна.

С одной стороны хотелось, чтобы она оказалось ложной. Будет, что вспомнить на следующее Рождество за костерком. Пусть оправдывается и отшучивается своим иностранным баритоном.

Войны не хотелось. Пусть лучше будет крупная провокация, какой раньше не было, к ней мы были относительно готовы или вообще ничего не будет, мало ли для чего войска к границе подошли, может, это они нас боятся, тем более что солдатское радио приносило вести о переброске нескольких наших дивизий поближе к границе. Ближе к полуночи из штаба округа был доставлен командованию отряда пакет, который было приказано вскрыть только в чрезвычайном случае. Мы с Шикбарсом выдвинулись в расположение нашей самой северной заставы. На длинные расстояния у меня было специальное седло для овчарки, а на короткие Шишико любил всегда бежать рядом, слева от коня. Годы беговых тренировок сделали из него настоящего собачьего атлета.

И вот, после наступления кромешной темноты, еле видный серп убывающей луны был не в счёт, он скорее подчеркивал крайнюю степень черноты этой тихой ночи, которая в свою очередь делала яркими звёзды, сплетаемыми человеческими фантазиями в созвездия, которые и красовались над нашей головой. Последней тихой и спокойной ночи на ближайшие годы, как оказалось. Весь личный состав северной заставы переместился в лес, вместе с конями, техникой, собаками и подводами, на которые, на всякий случай, нагрузили все самое необходимое: патроны, гранаты, консервы и лекарства. В эту ночь никто не спал.

Да и летние ночи скоротечны, тем более июньские.^[26]

Начинало светать. Ожил лес, запели птицы, пропали комары, которые досаждали нам всю ночь. Дозорные доложили, что на том берегу беспокойно ведут себя не только сороки, а и другие лесные жители, как будто в лесу кто-то ходит и сразу везде.

Стало понятно, что через лес приближается к месту, где был брод, большое количество людей.

Брод! Как мы о нём забыли! Ведь по нему может перейти реку кто угодно, а мы его даже не пристреляли! Потом мы услышали гул моторов, а чуть позже увидели, как над нашими головами начинают пролетать в немыслимом количестве самолеты с крестами на крыльях, а ещё через несколько минут земля вздрогнула от артиллерийских залпов.

Шикбарс. Глава 2

– А почему ваша овчарка так странно и так долго на меня смотрит, прямо глаз не сводит!

– А она так на всех смотрит, кто из её миски кушает!

Следующее мое яркое воспоминание из детства — это снег. Первый снег. Когда я увидел, что он падает прямо на Хозяина и облепливает его, как вредные мухи, только белые, я начал на них нападать, пытаясь отогнать их от него, но они таяли у меня во рту и мой Хозяин почему-то очень громко смеялся! Мне становилось от этого очень радостно, так радостно, что я носился вокруг него, как заведённый! Так я узнал свою вторую в жизни команду — «играть»!

Она была невероятна! Бегая за палочками, шишками, снежками без остановки — я чувствовал себя самым счастливым щенком на свете, но эта команда всегда была наградой за обучение, за то, что я учился языку людей в своей собачьей (кинологической) школе.

Первая принадлежность к людям — это ошейник. Я помню, как его мне надели первый раз — новенький, кожаный, вкусно пахнущий, такой же, как и у других взрослых служебных собак, уже всю помогающим людям в форме! Его на мне затянули не сильно, чтобы не давил, потому привык к нему быстро. Потом появился поводок, очень важная для меня вещь, им я привязывал себя к Хозяину и понимал, что пока он держит поводок в руках — можно быть спокойным — никуда он от меня не денется! А ещё это был знак к тому, что мы идём сначала гулять, потом тренироваться, а потом опять гулять по лесу и бегать за шишками! А потом плавать, а не сидеть в этом грустном вольере! Первый раз я поплыл, когда Хозяин долго кидал мне палку, которую я любил грызть и приносить ему обратно. И вот в один из вечеров он кинул палку в реку, и я сначала зашёл немного в воду, потом оглянулся на Хозяина и увидел, что он говорит что-то ободряющее — значит, это нестрашно. И я бросился в воду за уплывающей палкой, поймал её зубами и гордо принёс Хозяину, всем видом показывая, что вот я какой — ничего не боюсь, даже воды глубокой и холодной! Так я научился плавать. У нас даже через время появилось любимое место для таких игр — в тихой заводи, которая образовалась из-за небольшого ручья, который в этом месте впадал в реку. Ещё помню, как-то раз Хозяин взял меня на обход территории, и, подойдя к нашему любимому месту, мы с ним увидели незнако-

мую нам собаку, которая переплывала пограничную реку. Хозяин дал мне команду «тихо»^[27]. Мы затаились и смотрели, как она вышла на берег с нашей стороны, вытряхнулась несколько раз и побежала по своим делам. Но я на ней заметил ошейник — главную принадлежность к людям, значит, она была чей-то, возможно даже хозяева её жили с той стороны границы. Через неделю мы её увидели ещё раз, только она уже плыла в другую сторону. Дело было нечисто. Мой Хозяин доложил командиру, и мы получили приказ — выследить нарушителя и задержать! Хозяин взял с собой трёх человек, они приготовили рыбацкие сети, и мы сели в засаду. Прошло два дня и вот опять появилась эта собака — сразу мы её не заметили — был сильный ветер с дождём. Не видели, как она зашла в воду с той стороны. Смогли лишь тогда заметить, когда она уже поплыла прямо к нам. После того, как она вышла и начала вытряхиваться, пограничники её сразу окружили и поймали без особого труда. Она скалилась и грозно рычала, но наши бойцы её прижали к земле и обыскали. При ней ничего запрещённого не нашли. Приняли решение отпустить её и проследить — куда она пойдёт. Так и сделали. И вот через время собака привела всех к свежевыбеленной хате на окраине села... Узнали, кто владелец и установили наблюдение за домом и за его хозяином. Оказалось, что несколько раз в день хозяин дома и собаки выходит на берег реки и выкапывает на берегу небольшое дерево, которое несёт к себе во двор, после чего высаживает его на участке. Ничего противозаконного в его действиях обнаружено не было, но всё было очень странно, поэтому решили следить за ними дальше. Через два дня мы увидели, что собака опять переплыла на ту сторону реки. А ещё, через два

дня она вернулась обратно. Через неделю было известно точное расписание движения собаки — за границу и обратно. Решили её снова изловить, но опять, кроме ошейника, ничего на ней не обнаружили. Дом, куда забежала собака, принадлежал одинокому пенсионеру, который поселился в селе год назад, переехав из города. Целые дни он занимался своим участком, на котором высаживал молодой сад. Дружил с соседями, был общительным и разговорчивым. У местных жителей никаких подозрений не вызывал. Прошло ещё две недели, за это время была установлена одна особенность, после того как его собака прибежала с той стороны реки, он брал лопату и отправлялся к речке и вскоре шёл обратно, неся выкопанное молодое дерево. На вечернем совещании все ломали голову, почему пенсионер ходил за саженцами к речке только после того, как его собака переплывала реку с той стороны? Решили его всё-таки задержать тогда, когда он нёс очередное дерево. Остановили, извинились и привели на заставу. В кармане у него оказался мокрый сверток с кусками тола, это взрывчатка такая, он же утверждал, что это куски мыла (они на самом деле похожи, тол и хозяйственное мыло), которые он нашёл на речке. Обыскали его дом и территорию вокруг дома, и вот тут-то всё и выяснилось! Мы нашли целый склад оружия, взрывчатки, патронов и гранат в погребе. Всё это ему передавали из-за границы для диверсионной деятельности. А ещё мы нашли много заготовок для ошейников, на которых с внутренней стороны были нарисованы схемы расположения наших застав, складов и аэродромов! Только их он ещё не успел передать, мы же когда ловили собаку даже предположить не могли, что у ошейника со внутренней стороны могут находиться важные сведения в виде нарисованных схем, потому что ошейник был из нескольких слоев кожи, и собранная информация зашивалась во внутрь! Когда проводили дальнейшее расследование, то оказалось, что у собаки было два хозяина — родные братья. Один жил здесь, другой жил с той стороны границы и оба работали на вражескую разведку. Туда собака переправляла схемы на ошейнике, которые рисовал пенсионер, а обратно несла в сетке контрабанду — упакованное в непромокаемый мешок оружие и бросала груз недалеко от берега в одном и том же месте на отмели, выходя из воды уже без ничего, а позже пенсионер шёл за деревом, выкапывал его, доставал из воды свёрток и шёл как ни в чём не бывало домой.

Дальнейшая судьба пенсионера-диверсанта была нам не известна, собаку-контрабандистку забрали к себе добрые соседи, нам же с Хозяином была вручена Почётная Грамота перед всем строем! Горд я был невероятно!

И этим же вечером я гулял вместе с Лидочкой и Хозяином. Она прибыла к нам на заставу на плановый осмотр служебных собак и лошадей, а попала в итоге и на торжественное мероприятие, после которого вечно стеснительный Хозяин покраснел до ушей, но всё-таки смог выдать из себя и членораздельно выговорить приглашение на прогулку нашей общей любимицы — Лиды.

Они гуляли по лесу, потом спустились к реке через полянку, на которой было великое множество полевых цветов. Потому у реки Лида была уже с букетом в руках. Я услышал, что Хозяин предложил ей забраться на крышу заброшенной сторожки, с которой открывался невероятный вид на заходящее за лес солнышко.

Закат на самом деле был великолепен.

Когда мы провожали Лиду к её лошади, то я заметил, что помимо букета она держит в руках гаечный ключ.

Поцеловать её Хозяин так и не решился, даже в щёчку.

Когда Лида уехала, я на него внимательно посмотрел, а он мне сказал следующее:

— Шик, не смотри на меня так! Ты видел, какой у неё здоровенный ключ был в руках? Вот потому и не решился я её поцеловать! И вообще, если ты когда-нибудь увидишь огромную и послушную собаку рядом с девушкой, ведущей её на поводке, запомни, бояться надо не собаку!

Разумов. Глава 4

Для того, чтобы быть другом, совсем не обязательно быть собакой

Больше часа казармы и помещения нашей заставы сравнивала с землей немецкая артиллерия и немецкие самолеты, которые сбрасывали противно свистящие бомбы. Строения были или разрушены, или горели, заволакивая всё вокруг едким дымом.

Мы поняли, что следом эти две немецкие дивизии перейдут или уже переходят Государственную границу и начнут штурмовать то, что осталось от лёгких укреплений нашей заставы. Заработал телефон. На связи был командир. Он вскрыл чрезвычайный пакет, в котором было сказано, что в случае атаки на заставу регулярными частями вражеской армии всему личному составу отойти на запасные позиции, а это Укреп. Район^[28]. В это время мы слышали, что почти одновременно заработали станковые пулеметы, которые были установлены в наших ДОТах и ДЗОТах, которые по периметру ограждали заставу. Даже через дым от разрывов снарядов в бинокль мы видели, как в районе мелководья немецкие танки, бронемшины, грузовики, пушки и тысячи солдат переправляются через пограничную реку вброд, который мы даже не заминировали и не пристреляли.

Из документов

«На заставе было семь станковых пулеметов. Она дислоцировалась на активном направлении, была усилена личным составом численностью до ста человек. 18 июня 1941 года я проверял боеготовность заставы. Действовал личный состав быстро, слаженно, обязанности в бою по обороне заставы знал отлично. Ты спрашивал, о чём думали пограничники в первый день войны? О Победе!».

«С рассветом 22 июня 1941 года регулярные войска германской армии атаковали наши пограничные части на фронте от Балтийского до Черного моря».

Из сообщения Главного командования Красной Армии 22 июня 1941 года.

Получив приказ отступать в сторону УРа, поняли, что нас очень быстро обнаружат. Нужно было попытаться задержать лавину фрицев, которая начала обтекать наши ДОТы слева и справа. Маленький контрудар заставит немцев опешить, а нашему отряду поможет отойти поглубже в лес. Командир вызвал тридцать добровольцев. Через несколько минут отряд бесстрашных был построен. Возглавил его младший политрук^[29] Петров. После небольшого совещания, укомплектовав отряд боеприпасами и пулеметами с гранатами РГД, мы начали отходить в сторону Волчьей балки. Там было условное место сбора всех наших застав.

Уходя в лес, мы слышали дружное «Ура!» и канонаду перестрелки. Слышали, как к звуку пулеметов Максима добавились короткие очереди пулемета Дегтярёва, которым была доукомплектована наша группа бесстрашных. Пока ещё работала связь с соседями, мы успели вызвать огонь на себя, был такой договор, что последний из оставшихся в живых, должен пустить белую ракету.

У соседей наших был учебный артиллерийский полк с пятнадцатью гаубицами. Только осколочно-фугасных снарядов у них было всего не больше сотни, остальные холостые. Все снаряды ложились точно в гущу наступления немецких войск, рассеивали их, но не остановили. Канонада не затихала до самого утра.

Да, не обманул нас твой брат, Иоганн, — подумал я.

Из документов

22 июня 1941 года заместитель политрука 7-й заставы 90-го Владимир-Волынского отряда В. В. Петров со станковым пулемётом пять часов удерживал переправу через Западный Буг.

В критическую минуту боя, когда кончились патроны, а вражеская мина вывела из строя пулемёт, В. В. Петров подорвал гранатой себя и окруживших его врагов.

Именем Героя Советского Союза В. В. Петрова была названа его застава после войны.

Разумов. Глава 5

Счастье врагов России в том, что русские – нация воинов, а не убийц, иначе бы мы под корень уничтожали народы, шедшие на нас войной...

К вечеру того же дня — 22 июня основные удары фашистов^[30] прошли левее и правее наших болот, которые окружали Волчью балку. Видимо проводники у них были хорошие. Из местных. Предатели!

По гулу канонады, которая перемещалась в глубь нашей территории и по кружившей над нами «рамой»,^[31] мы поняли, что потихоньку оказываемся в окружении, и командир принял единственно правильное решение — отступать без остановок. Военным собраться — 45 секунд на все, пока спичка в руке старшины горит, поэтому выступили в сторону райцентра довольно быстро. 251 человек личного состава, 32 коня и 78 служебных собак, немецких и восточно-европейских овчарок. Среди них и мой Шикбарс. Две подводы с боеприпасами и провиантом.^[32] Судьба остальных нам была неведома.

Шли всю ночь. После короткого отдыха, с первыми лучами солнца наш отряд тронулся в путь. Я был тогда уже старшиной. Понимал, что для своих солдат я есть живой пример того, как должен вести себя солдат в бою и на отдыхе, потому на одном из привалов рассказал своим пограничникам о том, как мне повезло в армии, что первый старшина в моей жизни оказался мудрый и интересный человек, чем поднял им немного настроение:

— Когда я только начинал служить простым солдатом в армии, у нас был очень мудрый старшина, которого мы как-то спросили, почему в нашей службе всё так сурово, чуть что не так — два наряда вне очереди, или вся рота на дополнительный круг в противогазах, или же почти каждый день, через день в столовой нам дают этот отвратительный «бигус»^[33]? На что он ответил так: «Если бы в армии подавали очень вкусные блюда, то всё равно нашлись те, у кого мяса бы оказалось в миске меньше, или бульона, или картошка с «глазками» попалась, плохо чищенная братом-солдатом, отбывающим свои два наряда в столовой, а кому-то не попалась. Вроде бы хотели хорошо всем сделать и вкусно, а получилось бы всё наоборот — среди воинского подразделения появилось бы недовольство, возможно даже с неуставными отношениями и через такой фокус пострадал бы дух воинского братства и товарищества, атмосфера в части и боевая эффективность всего подразделения в целом. Поэтому мы служим и готовимся в подразделении по принципу — «А если завтра война, а ты не готов?». В армии невозможно сделать всем одинаково хорошо, а вот одинаково «нехорошо» можно, потому, когда вместо вкусного борща, ухи или щей вы получаете «бигус», то вот тут объединение всех родов войск становится налицо, потому как сей продукт ненавидят все и от всей души, и нет в солдатской душе ограничений, впрочем, как и предела ненависти к этому заморскому, изначально, продукту! А когда, отведавши «заморских харчей», вы все вместе бежите в противогазах и материтесь про себя в мою сторону, это тоже очень сильно вас всех объединяет, потому как любимчиков у меня нет, разве что кот наш ротный,^[34] но, думаю, что вы бы не хотели быть на его месте, потому как ни странно, но «бигус» ему нравится, одному можно сказать во всём нашем прекрасном полку!

Вот и выходит у нас, что равенство и справедливость, впрочем, как и воинское братство, появляются только в таких вот интересных, можно сказать, сложных условиях, когда всем не очень комфортно, но приходится находиться от присяги до демобилизации в одной, так сказать, лодке, вместе, так сказать, потреблять весь набор армейских «бигусов» одной ложкой за столом и плечом к плечу в одном окопе полного профиля. А если когда-нибудь в армии будет «всё хорошо», то все тут же начнут жиреть и нежиться на солнышке, вопреки воинскому

Уставу! Тут же сразу начинает проявляться социальное и прочее неравенство, зарождается классовая ненависть и, возможно, даже кое у кого расовая нетерпимость!»

Ну и после этой политической пятиминутки он нас всех любопытных вывел в лес, приказал надеть противогазы, и мы с песней «Броня крепка и танки наши быстры...» побежали «вот отсюда и до ужина», потому как нечего старшине задавать такие вот глупые вопросы!

Ну а мой первый командир погранзаставы рассказал нам молодым пограничникам, в чём разница между оружием и служебной собакой.

Оружие в руках дает вам некую уверенность в том, что вы сможете отразить нападение врага с несколькими «но».

Если вы не спите, если количество патронов превышает количество врагов, если не со спины и, если не внезапно для вас.

Обученная собака же даёт главное – она вас предупредит, и у вас будет больше времени, чем у врага, подготовиться к бою. Вы всегда будете знать, что к вам приближается опасность. И всегда заранее. Предупреждён - значит вооружён. Для врага же ваша атака будет внезапной и соответственно половина победы у вас уже есть. А если вы ещё и умеете стрелять из служебного оружия, то вы становитесь непобедимым!

Ну а дальше всё зависит от личных качеств и от опыта воинов.

Разумов. Глава 6

Кто медленно бежит, тот обычно быстро умирает

Примерно через час напали на колонну немецких открытых бронемашин и грузовиков с солдатами в количестве около пятидесяти единиц.

Это был наш первый бой. Кто открыл огонь первым, не знаю. Только услышал чей-то крик, гул машин вдалеке и беспорядочные выстрелы. В тот момент мы выходили из леса, пересекали поле с невысокой зеленой, ещё не успевшей выгореть, травой (лето только началось), и до спасительной лесополосы нам оставалось чуть более километра. Окопаться-то мы можем. Учёные на этот счёт, а друзья наши четвероногие оставались абсолютно не прикрытые, как черно-желтые пятна на яркой зеленой траве! Командир принял решение отходить и отстреливаться из положения стоя, так было проще целиться, колонна немецкой техники была чуть в ложбинке, а бойцам с собаками^[35] дал приказ бегом перемещаться в лес. Надо отдать должное фашистам, — реакция у них была молниеносная.

Не прошло и нескольких минут, как на наших глазах первые две пушки, правда без брони, которые были привязаны к грузовикам, были развернуты в нашу сторону, и суету минометчиков, которые устанавливали свои смертельные машинки на треноги, видимо, мы напали на перемещение арьергарда^[36] артиллерийского или минометного полка. Дуэль на винтовках, Мосинка — Трёхлинейка супротив Немецкого Маузера осталась за нами. С такого расстояния нам удавалось простреливать насквозь кабину грузовика, вместе с водителем, а вот их пули долетали до нас с трудом. Вернее сказать, вообще никакого вреда не принесли. Чего нельзя сказать о работе артиллерии. Первый пушечный залп^[37] немцев пришёлся чуть ниже нас. Я оглянулся и увидел, что пограничникам с собаками, а маяком для меня служил коренастый сержант Молашхия, ещё бежать около минуты. Второй залп лёг чуть выше. Командир^[38] сообразил быстрее всех, он понял, что третий залп накроет всю нашу шеренгу и он приказал всем бежать в рассыпную, и, как всё успокоится — сбор на белую ракету, примерно в 23.00. Больше я ничего не слышал, потому что начался ад, крошечный ад. Взрывы, крики раненых, окровавленные конечности раненых и убитых. Чёрный, едкий дым, не дающий дышать и видеть, потому как страшно слезились глаза. Подпрыгивающая земля под ногами, свист осколков, ругань, вопли, стоны, крики и кровь, оторванные руки и ноги. Всё смешалось на какое-то время в смертельную карусель, которая начала, как водоворот, забирать в себя наш отряд. «Семи смертям не бывать, а одной не миновать», — именно эта поговорка крутилась у меня в голове, когда очередной разрыв снаряда, где-то возле меня, справа, заставил меня оглохнуть на правое ухо и встать на четвереньки, рядом со своим Шикбарсом, который лежал, но не сводил с меня своего преданного собачьего взгляда. В этой позе у меня и появилось перед глазами понимание, что многие, кто по нам стреляют, не спрятаны за броней пушек. У минометов их просто нет. Тогда, шепча про себя словосочетание о семи смертях, я поднялся в полный рост, перезарядил свою трёхлинейку, и спокойно и расчетливо начал уничтожать минометчиков одного за другим, как-никак лучший стрелок округа из положения стоя. Они меня видели плохо, так как дым от очередного залпа ещё не рассеялся. Когда я прицелился в очередного фрица, а он упал с простреленной головой, ровно за мгновение перед тем, как я хотел нажать на курок, я понял, что моему примеру последовали все, кто не погиб при первых залпах. Оглянувшись, я увидел, как встают с колен мои боевые товарищи и с сосредоточенными лицами досылают патрон в патронник, и, тщательно прицелившись, спускают курок. Кто-то стрелял с колена, кто-то стоя. Раненые пытались стрелять из положения лежа, но им мешала трава, которая была не выше колена, но была очень густой, видимо рядом протекал ручей, которого

я пока не заметил. Младший лейтенант, который прибыл к нам буквально за неделю до описываемых мной событий, лежал с оторванной по колено ногой, перебитой осколком правой рукой. Из рассеченного осколками лба кровь застилала ему глаза, но он зубами передергивал затвор, рыча вытирал лицо от крови и стрелял, стрелял без остановки в сторону врагов. Мне показалось, что дуэль продолжалась не дольше получаса, а на самом деле прошли минуты. Я сосредоточенно стрелял и стрелял, после каждого убитого мной фашиста обязательно, как заговор, произносил:

— Семи смертям не бывать, а одной не миновать, — почему-то именно такая комбинация слов, мыслей и действий привела меня в состояние полного покоя и ясности мышления и позволяла сосредоточиться на том, чему меня учили в армии — на уничтожении, уже не вероятного, а что самого ни на есть реального противника. М-да, если завтра война, говорили мы когда-то...

Поголовье фашистских минометчиков резко уменьшилось. Это отразилось и на количестве мин и снарядов, которые долетали до нас. Немцы залегли. Несколько машин начали гореть.

Бензиновые, — подумал я. И тут какой-то позыв внутри меня, может боевой азарт, отправил меня с криком «Ура!» вперед, прямо на стреляющие в нас пушки с минометами. У фашистов это, наверное, тоже был первый бой с русскими. Завоевание всей Европы^[ii] за месяц — не в счёт.^[39] Я бежал вперед, останавливался, перезаряжал свою винтовку, прицельно стрелял и опять бежал вперед. Боковым зрением я увидел, что весь наш отряд, все, кто мог бежать, бросились за мной. Не помню, дал я команду своей овчарке или нет, но Шикбарс был возле моей ноги, как привязанный. Не отходил от меня и в положении, что-то среднее между лёжа и стоя, на пружинистых, немного дрожащих от нетерпения лапах, с приподнятой головой, не сводил с меня взгляда в ожидании команды, пытаясь перехватить мой взгляд. Мы, презирая свист, шелест и взрывы мин, грохот выстрелов из пушек, бежали на врага. А когда наш отряд, практически одновременно, примкнул штыки к своим винтовкам, и в лучах восходящего солнца сталь на штыках начала красиво играть с солнечными лучами, нервы у фрицев сдали! Они в панике начали разворачивать грузовики и штабные машины...

Шикбарс. Глава 3

Цитата из письма: «Уважаемая Лида, если кратко описать нашего годовалого пушистого подростка, то могу сказать следующее: очень часто желание «рвануть», абсолютно затмевает вопрос «куда?» Старшина Разумов»

Одна из любимых моих команд — это команда «рядом», ведь когда Хозяин находится близко и сбоку, да ещё и на поводке, его так удобно охранять от всех нарушителей! Помню, что у меня первое время не получалось ходить так, как ходят взрослые и учёные служебные собаки — ровно на полкорпуса впереди хозяина! Когда идёшь правильно, то каждую минуту тебя гладят, похлопывают и говорят: «Молодец!» — это так приятно! Но когда я забывал о Хозяине, отвлекался или спешил и не шёл как надо, то Хозяин меня иногда ругал тем, что строгим голосом говорил: «Шикбарс, рядом!», и через пару секунд дёргал за поводок резко и неприятно, дёргал от поводка в сторону, обратную моему движению, ведь дергать к себе считалось ошибкой, а мой Хозяин никогда не ошибался. Иногда он говорил команду: «Поправься!».^[40]

А на самом деле я был не виноват, меня просто увлекали разные запахи, которые оставляли всякие живые существа у нас на пути.^[41] Я к ним принюхивался и забывал, что надо идти на полкорпуса, а не как балбес тянуть со всех сил вон в то место, где прошла недавно белочка, которая жила в дупле, вместе с кошкой из заброшенной деревни, которую мы иногда осматривали на предмет наличия там нарушителей. Хозяин всегда оставлял ей рыбку, а белочке несколько орешков. Ещё помню ночь, когда я поймал первого диверсанта. Почти сутки мы вдвоем с Хозяином лежали, не шевелясь в окопе. Я с полчасика уже чувствовал приближающегося к нам человека. Он пятился (шёл спиной к нам), оставлял следы «наоборот», как будто он идёт от нас к реке. И вот наконец я услышал свою любимую команду:

– Шикбарс! Фас!

Я резко рванул с места так, что сзади меня полетела вырванная трава с кусками земли, и молниеносно, несколькими прыжками, в полной тишине, как меня учили, настиг нарушителя, повалил его лицом вниз, и тихим рычанием возле его горла попросил не шевелиться. Как ни странно, но он меня понял и лежал тихо, как на учебных занятиях, пока Хозяин ему связывал сзади руки ремнём. Этим же днём мне устроили пир. Дали целый кусок варенного мяса, чуть больше, чем моя голова! Я думал, что лопну! Но я был не жадный, потому решил поделиться с Хозяином, и когда он пришёл ко мне в вольер, я положил ему на колени половину от того куска, но он, почему-то не обрадовался, только погладил меня и ушёл, не забрав мясо с собой, а через время пришёл ко мне уже в новых штанах.

Шикбарс. Глава 4

Каждый имеет ту собаку, которую заслуживает, и каждая собака является отражением своего хозяина: по характеру, уму и интеллекту

Ещё помню, как-то мы ехали в увольнение с Хозяином рейсовым автобусом, который шёл через сёла в райцентр. Мы с ним сели первые и я залез под кресло. На следующей остановке в автобус зашёл учитель из сельской школы и сел впереди нас. Мы были знакомы, когда-то Хозяин и я приходили к детям в школу и показывали, что даже собаки умеют считать и разбираются в математике. Он даже как-то сказал ребятам, что если вам кажется, что эта собака не умеет считать, то давайте попробуем на её глазах положить в карман пять печенюшек, а достать только четыре из них и угостить её, и вам всё станет ясно и понятно. Он так и сделал, и я, съев четыре печенюшки, гавкнул на него в ожидании пятой. Говорят, что после нашего посещения все троечники стали хорошистами и не только по математике...

Меня учитель сразу не заметил. А через несколько минут, уже у самого райцентра, в автобус зашла красивая девушка с длинной косой, от которой исходил невероятно красивый цветочный запах, я слышал нечто подобное в лесу на одной из полянок по весне. Мой хозяин оставил меня под креслом, положив поводок на пол и дав команду «место». Он разговаривал о чём-то с водителем, поэтому девушка выбрала наше кресло — оно казалось абсолютно свободным. Садясь в него, она вдруг заметила меня, улыбнулась и спросила: «О, привет, а ты не кусаешься?»

В это время впереди сидящий учитель обернулся к ней и с улыбкой сказал: «Иногда бывает конечно, что кусаюсь, но теперь только по вторникам, а сегодня суббота, потому, присаживайтесь, пожалуйста!»

Весь автобус веселился до самой автостанции! Учитель подумал, что это его шутка произвела такой фурор, потому расхрабрился и даже познакомился с этой девушкой, но понял, почему все смеялись на самом деле, уже тогда, когда все выходили из автобуса, а я сидел рядом с девушкой, на проходе, с поводком в зубах.

Все это прокрутилось в моей голове, как радужные брызги от воды в солнечный день в тот момент, когда рядом с моим Хозяином разорвался снаряд и он упал недалеко от меня на четвереньки. Это одна из его поз для игры со мной. Я это помнил и знал. Но сейчас это была не игра. Помочь я ему не мог. Взрывной волной меня самого подбросило и очень больно ударило об землю. Я хотел помочь лежавшим рядом и Хозяину, и солдатам, но не знал как! В ушах звенело, сердце бешено колотилось. Кто-то из пограничников лежал неподвижно, кто-то плакал от боли. Едкий дым застилал мне и им глаза.

Я смотрел на Хозяина и не сводил с него взгляда в ожидании команды! Сам же не мог понять, на кого надо напасть и задержать, чтобы прекратилось всё, что творилось с нами. Вокруг продолжали рваться мины и снаряды! Раненые и убитые падали, как подкошенные. Раненые умоляли помочь. Убитые лежали в нелепых позах. Пахло кровью, дымом и гарью. Кто-то куда-то бежал. Мне было страшно, очень страшно, но страшно только за своего Хозяина. Я видел, что он хочет встать, но не может. Только мотает головой. Я чувствовал, что вокруг у людей начиналась самая настоящая паника. На месте взрывов разгоралась сухая трава. Огня я не боялся, хотя он мог обжечь.^[42] Крики, стоны раненых и контуженых пограничников доносились с разных сторон. Но тут мой Хозяин встал, и я почувствовал, что страх его прошёл. Ведь я очень хорошо знаю, как пахнет человек, который боится. Меня этому научили. Он встал, взял в руки свою винтовку и начал стрелять. Я, ещё на непослушных лапах, подполз к его ноге, прижался к нему и стал ждать команды.

И тут Хозяин, наконец, дал команду мне:

— Шикбарс! Рядом!

И побежал вперед, стреляя на ходу!

Я бежал с ним рядом, по дымящейся земле, по углям от сгоревшей травы. Дышать было тяжело. Столько едкого дыма я не видел в своей жизни...

Разумов. Глава 7

Сколько нам идти по дороге жизни определяет Бог. А вот с кем идти и что с собой нести – мы...

Я остановился и опустил винтовку прикладом на землю. У меня закончились патроны. Но это было уже неважно. Побросав и пушки, и минометы, фашисты улепётывали с поля боя, прыгали в грузовики, броневики, и что-то крича на своем языке, который мне очень напоминал грубый собачий, отрывистый лай, разворачивались в ту сторону, откуда они приехали, там было ближе к лесу, и отъезжали с максимальной скоростью. Из грузовиков по нам даже никто не стрелял. Через двадцать минут гул машин стих. На поле боя раздавались стоны раненых: и фрицев, и моих товарищей. Разгорались прощальным костром два немецких грузовика. Когда эйфория от победы прошла, я начал оглядываться по сторонам в поисках командира. Его нигде не было. Тогда я отдал приказ, как старший по званию, после командира отряда и политрука, трём пограничникам, стоящим ближе всех к брошенным минометам — разоружить раненых фрицев. Обернувшись, приказал тем, кто бежал в цепи последними, немедленно выяснить, кто и на сколько сильно ранен и оказать им помощь. Подводы наши были разбиты. Из десятка коней, только один стоял, оставшись впряженным в подводу с провиантом. Остальные из упряжки лежали неподвижно. Подводы с боеприпасами были разбиты прямым попаданием. Благо ещё не детонировали наши гранаты. Они были разбросаны неподалеку. Грузовые лошади были мертвы. Наши пограничные кони были нами отпущены, потому мы их видели невредимыми на опушке леса. Я свистнул, мой конь по кличке Орлик сразу направился в мою сторону.

Начали поступать первые доклады. Потери врага – девятнадцать человек. Два офицера и семнадцать солдат.

Раненых оказалось двое. Один тяжелый. В шею. Второй в плечо навывлет. Без сознания, но живой. Приказал его перевязать. Пригодится ещё. Черты лица его мне показались знакомыми, но я не придавал этому значения. Мы от немцев очень сильно отличаемся. У нас, у русских, лица, как правило, круглые. У немцев же, очень сильно вытянутые. Пушки вывели из строя, сняв с них прицелы.

Минометы решили взять с собой. Мин к ним фашисты успели приготовить пару десятков ящиков. Но не успели выпустить их по нам. Потери в личном составе у нас оказались похуже, чем у немцев. Командир был тяжело ранен. Политрук убит. Ещё четыре тяжелых ранения с оторванными конечностями: руками и ногами. Девять легких, все осколочные. Из них сами передвигаться могли четверо. Остальные ранены в ноги. Убитых оказалось тридцать два бойца.

Из леса подтянулись пограничники-вожатые, с немного растерянными собаками.

Командование принял на себя. Приказал похоронить убитых немедленно, предварительно собрав все их документы. Могилой выбрали воронку от разрыва снаряда. У себя на карте сделал пометку. Отдали воинские почести погибшим. Перевязали всех раненых, из остатков подвод изготовили носилки и безотлагательно выдвинулись в лес, в сторону противоположную границе. Собрали предварительно все трофеи: немецкие винтовки, пистолеты, а также наши гранаты РГД-33, которые разлетелись от попадания в подводу, где они лежали.

Послал двух лучших следопытов с собакой в разведку по предполагаемому ходу нашего движения и подозвал к себе Шикбарса, чтобы осмотреть его на предмет ранений. Собачий бог миловал его, все осколки пролетели мимо. Были опалены подушечки лап. Для овчарки это больно, но если ухаживать и вовремя обрабатывать, то не страшно.

Заживет, как на собаке.

В целом выглядел бодрым, также понимал, что наш отряд идти будет медленно, с ранеными, без подвод. Всё будем нести с собой, вернее на себе и на наших пограничных конях.^[43]

Шикбарс. Глава 5

Не предадут, не кинут, не
подставят, И за обиду вам не
отомстят, никак. В беде не бросят,
умирать вас не оставят, Любить
учитесь, люди, у собак!

Обожженные лапы болели неимоверно, но я видел, что раненые наши пограничники идут, хромают, ковыляют опираясь на винтовку с нами рядом и не жалуются. Поэтому я тоже терпел. От своего Хозяина я не отходил. Видел остальных овчарок. Сейчас они были без своей привычной работы. Поэтому все чувствовали себя неуютно. Даже не хотели кушать на скоротечных привалах. У всех было чувство, что мы эту кашу^[44] не заслужили. Мы привыкли отрабатывать свой хлеб, да и нас учили только так. Правда всех по-разному. Среди нас, собак, были те, кто хорошо брал любой сложности след. Некоторые умели искать взрывчатку. Кто-то находил в любом месте спрятанное оружие, даже ножи, кто-то был талантлив в задержании, кто-то умело караулил, а вот длительные марши могли проходить не все наши собаки.

Это только кажется, что овчарка быстрее человека. На короткие дистанции — да.

А на длинные дистанции человек выносливей любого животного на планете. Я вижу, как пограничники берут на руки своих уставших друзей — служебных собак и несут их. Чтобы те не отставали от колонны отступающих. Я же со своим Хозяином не раз ездил на соревнования, на которых надо было много бегать по пересеченной местности и выполнять разные интересные задания: мне искать разные сюрпризы и закладки, а Хозяину не только бегать, но ещё и точно стрелять по мишеням.

Есть у нас две медали, одна почётная грамота за победу в них и наручные часы, которые Хозяин носил с гордостью! И всё это, несмотря на то, что на обратном пути, когда мы сели в рейсовый автобус, одна тётя, глядя на меня возмущённо, сказала:

– Отодвиньте от меня собаку, по мне скачут блохи!

На что Хозяин ответил:

– Шикбарс, немедленно отодвинься от тётки, у неё блохи!

Смеялись даже вороны на остановке, не то что пассажиры! Такие вот мы молодцы.

Разумов. Глава 8

Когда меня спрашивают: «Что не надо делать в лесу?»

Я отвечаю так: «Никогда не разбивайте лагерь на ночь возле болота!»^[45]

Фашисты могли вернуться в любую минуту и уже с подкреплением. Это понимали все. Почести отдали погибшим нашим товарищам без военного салюта. Просто все устало склонили головы. Я не шибко могу говорить речи, поэтому был краток. Пообещал им, что они будут отмыты. Тронулись в путь. Колонна растянулась метров на двести. Раненого фрица мы забрали с собой. Он пришёл в сознание, но даже не пытался сопротивляться. Тяжелых оставили возле воды, вдруг немцы их обнаружат, да и помогут им как-нибудь. Нам то им точно помочь нечем. Шикбарс прихрамывал на все четыре лапы, но не отставал. На ближайшей поляне, возле ручья, мы остановились, чтобы набрать воды и перевязать раненых. Спустя два часа пришли разведчики. Доложили, что нашли сарай, а в нём восемь выпускников-школьников с соседнего с нами села. Шли на выпускной в районный центр. Война их застала в парадной одежде. Мальчики в костюмах и белых рубашках, девочки в простых, но очень красивых светлых платьях. Решили взять с собой, какая-никакая, а помощь. И лишние руки при перевязке раненых, и носилки понести. Под утро все изнуренные походом встали на постой. Расставил посты охранения. Раздали консервы и легли спать.

Мой верный пёс всю ночь не сомкнул глаз и выполнял для меня роль подушки. Около десяти утра увидели низколетящую «раму», стало понятно, что нас ищут, да и не только нас, могу предположить, что схожие действия предприняли многие из соседей пограничников. Места вокруг были красивые, но вот леса в них было не очень много. Следующий переход запланировали на вечер. Ближе к утру в плане было дойти к большому железнодорожному узлу. Надеюсь, что наши войска там держат оборону и мы сможем ударить немцам в тыл и прорваться к своим. Как же я ошибался... Вечером, не разводя костров, накормили собак, детей, перевязали раненых и тронулись в путь. Немного было странно слушать тишину. Никакой канонады слышно не было. Когда до железнодорожного узла оставалось около трёх километров, напали на штурмовой отряд фашистов. В отряде насчитали три лёгких танка, два бронетранспортера, десяток мотоциклов и три грузовика со штурмовой пехотой. Они двигались по дороге на восток.

Решили не ввязываться в бой. Встал вопрос, что если вступать в бой, то без раненых. Значит, их надо оставить в селе, которое было правее несколько километров. Послал туда трёх разведчиков с собаками. У пограничников собака — это даже не друг, это логическое продолжение возможностей военного человека. Пограничник слышит хорошо, а собака чётко принимает стойку на движение, именно человеческого существа, ни птицы, ни зверя, ни собаки или кошки, а конкретно на человека, так они были натренированы. Пограничник разбирается в следах, а его верный пес отличит их от любых других и выберет именно тот, что оставил человек или иной зверь, на которого идёт охота и какой предмет от него дали предварительно обнюхать.^[46]

Собака может понимать до трёхсот слов. Уровень интеллекта у собаки, как у трёх-четырёхлетнего ребенка. Понимает всё, но и играть любит больше всего на свете! Ну это, когда после службы. За палкой, шишкой там побегать, ну или в речке поплавать... Мои размышления были прерваны вернувшимися разведчиками, которые доложили, что в означенном селе встретили остатки соседей наших с юга, тоже пограничников значит. Командир и политрук у них живы, но личный состав потрепан немцами сильно. Потери — больше половины в личном составе, очень много раненых. Рассказали, что встретили в лоб лавину фашистскую, которая сравняла пограничную заставу с землей, сволочи гитлеровские. Держались до вечера, но при-

шлось отступить в лес и вот, который день уходят от преследования. Видимо, штурмовой батальон был направлен по их душу. Приняли решение объединиться, оставить раненых в селе и ночью трогаться в сторону районного центра.

По дороге к нам ещё присоединились курсанты учебного артиллерийского полка с панорамами^[48] в руках. Винтовки у них с собой были, а вот патронов у них не было вообще! Не положено было! Связи нет. Значит, будем действовать разведкой.

Послал группу количеством пять человек с собаками в сторону, которая нам казалась наиболее безопасной для того, чтобы без шума выйти к мосту, который соединял районный центр с областью.

Речка была небольшая, но болотистая и, в связи с этим, довольно широкая. Не Волга, конечно, но все же. Через час поступил доклад, что собаки почуяли приближение большого количества людей. Приняли решение уходить вместе с ранеными.

В селе оставлять уже было нельзя. Потому как уже не успевали. Таким образом маневрировали несколько дней. Благо лес был довольно густой.

И собаки наши не зря свой хлеб ели. Натренированы были, как в цирке, немца за полтора километра чувствовать начинали, мы всегда успевали изменить направление и уйти. Раненых у нас было много, и своих, и с соседнего отряда, ещё фашист простреленный, скорее всего именно мной, а лекарств катастрофически не хватало.

Четыре тяжелых наших, включая командира, померли намедни, похоронили у ручья, возле красивых березок, невысоких, молодых ещё совсем, но уже таких красивых своей молодой свежестью. Впереди была канонада фронта, ну и мост.

Неожиданно из леса появились танкисты, наши танкисты...

Разумов. Глава 9

И один в том поле воин, если он по-русски скроен!

Выяснилось, что эшелон с целым полком зачехленных танков КВ-1 был разбомблен прямо на узловой железнодорожной станции и удалось спасти только одну машину. Самых танкистов было около роты.^[49] Командир роты — лейтенант Зиновьев. Но у них оказалось то, чего нам очень не хватало. Связь. Радиостанция 71-ТК-3. Слава Богу, что КВ оказался командирский.^[50] Запасные частоты мне не были известны, но у нас был командир соседней пограничной комендатуры, который и владел всей необходимой информацией. Спустя сорок минут Гавинский, такая была фамилия у исполняющего обязанности командира танкового полка, вылез из танка с серым лицом. Мы все молча смотрели на него и ждали. Понимали, что ничего хорошего он не узнал. Гавинский начал:

— Товарищи, мы получили боевой приказ. Сначала о хорошем. Связь есть со штабом округа. Следующий сеанс связи через час. Ефрейтор Нагорный! — взял паузу командир и начал искать кого-то глазами.

— Я здесь, командир, — из темноты отозвался совсем молоденьким голосом ефрейтор.

— Марш в танк. Принять связь. Твой позывной — «Смерека»!^[51] Запомнил?

— Есть «Смерека», — ответил Нагорный.

Командир продолжил:

— Теперь о плохом, — после глубокого вздоха, он продолжил, — наши войска каждую секунду отступают. Прорвана граница на всем протяжении. Германия без объявления войны напала на нашу страну рано утром 22 июня 1941 года. Фашисты бомбили не только областной центр, но и Киев, Севастополь, Минск и другие города. Это всё, что они знают на сегодняшний момент, — тут он поправил фуражку и продолжил, — масштабы потерь не понимают даже в штабе нашего Военного Округа. Связи нет почти нигде. Наши самолеты уничтожены прямо на аэродромах. Склады с топливом взорваны диверсантами. Танки и самолеты, которые остались невредимы, просто нечем заправлять. Телефонная связь перерезана. Склады с боеприпасами захвачены немецкими парашютистами-десантниками. Это информация по нашему району. В данный момент идут бои везде, но шансов, что мы можем их остановить, вернее не мы, а наши боевые товарищи — нет. Идёт отступление. Отступают на всех направлениях. Мы последние.

Кто не успеет выйти из окружения попадёт в плен.^[52] Нам немедленно необходимо захватить мост, если он в руках фашистов, — тут он посмотрел на меня, я же в свою очередь посмотрел на назначенного мной командира развед.группы, который молча поднялся, подал знак своим бойцам, которые бесшумно поднялись и скрылись в ночи.

Гавинский кивнул мне головой и продолжил:

— На подходе к нам с той стороны реки маршем идут остатки трех стрелковых дивизий и одной кавалерийской. За ними по пятам, преследуя, идут фашисты. Спасает их от полного уничтожения пока только лес и уверенность фашистов в том, что они завершат окружение, захватив этот мост и броды вокруг него. Осложняет ситуацию отсутствие боеприпасов и болотистая местность. Не пройдут они нигде, кроме как по мосту. Да и отстреливаться им практически нечем. Если мы не захватим мост и не удержим фашистов, пока не пройдут через мост наши, быть им уничтоженными или ещё хуже — попадут в плен! Слушай мою команду! Лейтенант Зиновьев!

— Я, — отозвался танкист.

— Мост мы захватим чего бы то ни стоило, поэтому твоя задача, после захвата переправы обследовать подступы к мосту и закопать танк в таком месте, чтобы и с воздуха его не было

видно, и ты мог обстреливать подступы со всех сторон, готовься к круговой обороне. Смекаешь?

– Есть! — Ответил Зиновьев, — разрешите приступить?

– Действуй, лейтенант, — ответил старший лейтенант Гавинский.

Командир продолжил:

– Старшина!

– Здесь, — отозвался я.

– Твоя задача за сутки организовать оборону моста, обследовать все, что рядом в диаметре двух километров от моста, заминировать по возможности всё, что можно, и зарыться в землю так, чтобы тебя даже выковырять оттуда не могли, а ещё лучше, чтобы некому было выковыривать...

Через несколько часов появился посыльный от начальника разведки, который доложил, что мост охраняли двадцать немцев. Все они уничтожены. Застали их за ужином. Часовой был один. В общем мост наш. В данный момент разведчики переоделись в немецкую одежду, дабы имитировать, что мост ещё в руках врага. Чтобы не узнал фашист раньше времени, какой его ждет сюрприз. Но ситуацию осложняет то, что у разведчиков немецкий знал только сам командир, в школе хорошо учился...

Утро началось с детального изучения территории. Провели с Зиновьевым совещание. Определили места взаимодействия. Пока обходили места, из леса показался авангард первой отступающей нашей дивизии. Мы их уже ждали. Радиостанция КВ-1 работала превосходно. Обстановка в отступающей дивизии была следующей. Связь между полками была, но не везде. Пока все было разрозненно и неправильно. Потери были больше, чем 50%. Оставшиеся в живых бойцы различных подразделений четырех дивизий начинали стягиваться к ночи, из окрестных лесов к мосту и спешным порядком пересекали мост и уходили в глубь территории ещё не занятой врагом. Появился начальник штаба, представился усталым, но четким голосом:

– Подполковник Федотов!

– Старшина Разумов!

– Подполковник Гавинский!

– Лейтенант Зиновьев! — представились мы по очереди.

Федотов оглядел нас внимательным взглядом и сообщил:

– Ближайшее время у моста расположится отдельный зенитный дивизион^[53], будет защищать переправу от атаки с воздуха. Медики на подводах вот-вот подъедут. Догружайте туда своих раненых, наполните им оперативно фляги водой и отправляйте их далее...

Капитан!

– Тут включился я, — у меня тут пионеры заблудились в лесу, на выпускной в школу соседнюю шли, надо бы их с медсанбатом отправить... Как ты не против?

– Не против, — ответил подполковник и продолжил, — из трех стрелковых полков собрали с трудом два. В каждой численность по две тысячи человек примерно, это я вам нашу обстановку докладываю, — промолвил он и сделал глоток воды из солдатской фляги, которую снял с пояса, предварительно жестом предложив попить нам.

Из старших офицеров в живых остался я, потому завтра утром под моим командованием все, кто вышел с той стороны реки, отправляемся в сторону линии фронта, а там дальше вступим в бой и прорвёмся к своим. Нам хватит сутки на отход. Задача — продержаться двадцать четыре часа. После того, как выполните приказ, отходите в этот квадрат, а из него, думаю, и до линии фронта недалеко, — и он показал нам на карте это место.

Потом продолжил:

– В ночь с 21 на 22 июня нам поступил приказ, срочно сняться с места расположения и передвинуться в сторону железнодорожного узла, боеприпасы не брать, двигаться налегке, сухпай на одни сутки...

Можете представить какими сладкими мы достались фашистам? Мы могли только в штыковую атаку идти и всё. Что мы можем сделать без патронов, что? — тут голос капитана перешёл на истерический крик и он, закрыв глаза руками, зарыдал.

Его фуражка упала и покатилась прямо ко мне под ноги.

Я её поднял аккуратно.

Она была пыльная, потная, невероятно грязная и вся в бурых каплях засохшей крови...

Шикбарс. Глава 6

Разница между людьми и собаками в том, что собаки не могут имитировать любовь

Я чувствовал приближение чего-то нехорошего, очень нехорошего. Тревога висела в воздухе, была видна в лицах проходивших пехотинцев, израненных, окровавленных, босых, без оружия. В тишине у нас над головой, в которой не было слышно даже пения птиц, а такое случалось в моей жизни только раз. Хозяин для меня приготовил окоп. У всех наших собак были окопы. Небольшие и удобные. Даже с соломой. Внезапно кто-то прокричал: «Воздух!!!», и вокруг началось повторение кошмара на поле. Взрывы, от которых закладывало в ушах. Гарь. Опять крики раненых. Свист осколков, куча пыли грязи, падающие деревья, ветки, листья, сбитые осколками, выстрелы наших зениток, — всё смешалось в один громкий смертельный вой войны... Я увидел, что из десятка немецких самолетов, участвующих в налёте, один резко накренился, у него развалилось крыло, он задымил и начал падать в лес за рекой, с другой стороны. Слышал, как Хозяин выругался ему в след. Потом наступила тишина. Хозяин меня погладил. Налил из фляги воды в консервную банку и сказал: «Пей Шикбарсик!». Потом попил из фляги сам и куда-то ушёл, отдав мне команду — «место». Этой команде я научился быстро.

Когда мы гуляли, Хозяин давал мне команду «сидеть»,^[54] и сам шёл вперёд, потом оставлял на земле мой поводок, клал на него сверху кусочек мяса, чтобы я видел и возвращался назад. Потом давал команду «место» и показывал рукой на поводок с мясом.

Я шёл к поводку, но мясо мне удавалось съесть только после того, как я ещё выполнял добавочную команду «лежать». В итоге я всё понял. И следующие разы быстро бежал к поводку, ложился на «место», съедал своё мясо и меня за это ещё и гладили!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.